

Курьёзы из жизни Леонида Андреева

История сохранила факты о курьёзах жизни Леонида Андреева, коих много в судьбе любого человека. Натура писателя была широка, и вопреки устойчивым представлениям о нём как мрачной, погружённой в себя личности в воспоминаниях современников и его собственных рассказах писатель предстаёт человеком с чувством юношеского задорного юмора, хотя и не без тени грусти. Некоторые несуразности и казусы, случившиеся с Леонидом Андреевым, хотим напомнить.

Редакция

«...я вспоминаю, как недавно ещё этого тончайшего, типичнейшего мистика, с грустящим пафосом, прощающим лиризм, искателя вечности, влюблённого в Библию, самого яркого индивидуалиста, друга тайны и загадочности, выросшего под знаком ницшевских вдохновений, преданного надчувственному миру, родного брата Эдгара По, по духу, так сугубо и ретиво старались записать в ряды российских социал-демократов. Пробовали, во что бы то ни стало, зачислить в ряды певцов «пролетарского мировоззрения», представить злободневным писателем, враждующим с вчерашним днём, творящим месть в сердцах, исполненным гражданского гнева, чуть ли недвигающим какую-то неясную, незримую, но страшную силу на борьбу с буржуазией и режимом!

Леонид Андреев – «большевик»! Как вам это понравится?

На минуту, впрочем, желание обэсдечить Андреева чуть было не удалось.

– А вы знаете, Леонид Андреев эс-дек!

– Ну?

– Ей Богу!

– И пьёт?

– Нет, теперь уже не пьёт.

– Ну, слава Богу!

И в 1905 году этот Леонид Андреев, весь во власти мистических раздумий, весь в предчувствии смерти, поэт ночных страхов, зрящий тайну, влюблённый в вечность, художник одиночества и скорби, стал вдруг, по щучьему велению, слыть социал-демократом, каким-то партийным членом, у которого общая программа и не менее общая практика. Должно быть «тактика» творчества и «программа» вдохновения!

– Леонид Николаевич, Вы – с. д.?

Удивлённо взглядывает и потом спокойно отвечает:

– Одно дело – Маркс. Другое – марксисты. Третье – социал-демократия.

– Всё же думаю и хочу верить, что ни один из ярлычков ко мне не пристанет.

Надо сказать, впрочем, что уже в следующем, 1906, году кто-то пустил слух:

– Леонид-то Андреев – слышали?

– Что такое?

– Записался в мистические анархисты!

– Ну?

– Ей Богу.

– А пьёт?

– Ну, конечно, пьёт...»

«Смутный, с чёрными „жгучими“ глазами, чёрною бородкою и роскошною шевелюрою, Андреев был красив. Ходил он в то время в поддёвке, палевой шёлковой рубаше и высоких лакированных сапогах. Вид у него был совсем не писательский. Со смехом рассказывал он про одну встречу на пароходе, по дороге из Севастополя в Ялту.

В Севастополе он выступал на литературном вечере и имел шумный успех. На пароходе одна молодая дама долго и почтительно приглядывалась к нему, наконец подходит:

— Позвольте познакомиться... Давно желала этой чести... Я ваша восторженная поклонница...

— Я, — рассказывал Леонид Николаевич, — скромно потупляю глаза, мычу, что и я со своей стороны... что очень польщён...

Дама спрашивает:

— Вы давно из Новороссийска?

— Из Новороссийска? Никогда там не бывал.

— Так вы разве... не дирижёр цыганского хора?

— Нет. Я писатель. Леонид Андреев.

— Ах, писа-атель...

И дама разочарованно отошла».

Было это в 1906 году. Революция не была ещё законной супругой, ревниво блюдущей свою законную монополию на любовь. Революция была юной, свободной, огнеглазой любовницей, — и я был влюблен в Революцию...

<...>И вот однажды вечером газеты привезли телеграмму: Дума разогнана. На утро в Рабочем Доме — толкотня, лихорадка. <...>На крыльцо вышел «Седой» — весь спрессованный, крепкий, голова подёрнута инеем <...> прочитал воззвание членов Думы и объявил:

— Завтра — митинг в парке Кайсаниэмэ. Будет выступать один из членов Думы и — Леонид Андреев.

Все связывали Леонида Андреева с «Мыслью», с «Василием Фивейским», но Леонид Андреев и революция... это было совсем новый Андреевский лик, — и вся русская колония повалила доставать билеты на митинг.

Душный день. На поляне — высокая деревянная, вся в цветах, эстрада, тесная, плечом к плечу, толпа. Сзади, из-за деревьев, подымается тёмная, пятипалая рука — туча.

— Ах, Господи, пойдет дождь... И он не приедет. Как вы думаете: приедет? — воркует сзади.

<...>Но музыка уже играет. Толпа раздвигается как Чермное море, и в узком проходе среди тысяч глаз — двое: Леонид Андреев в своей чёрной рубашке, без шляпы, немного бледный, букет красных роз в руках, — и член Думы Михайличенко...

Уж не помню почему — но только меня откомандировали «занимать» Андреева. Он сосредоточенно-рассеян, покусывает усы и, видимо, волнуется. Перед глазами, из-за чьих-то плеч, на цыпочках вытягивается индюшиная голова. Вот уже протолкалась, и впереди всех, и одним восторженным, умиленным глазом сияет прямо в лицо Андрееву, и куда бы ни обернулся, — всюду перед ним, к нему, как стрелка компаса.

— Кто это? — спрашивает на ухо.

— А так — девица партийная. Из обожающих.

Может быть, девица заметила брошенный на неё Андреевым взгляд, — не знаю. Но только — глядь уже дергает меня сзади и шепчет:

— Послушайте... Ради Бога... Познакомьте меня с Андреевым... Я не могу... Я должна пожать ему руку... Я должна...

Познакомил. Девица, вся пылая и вытягиваясь на цыпочках, восторженно лепетала что-то. <...> Пятипалая туча ладонью покрыла солнце, брызнул тёплый дождь. Андреев раскрыл зонтик и рассеянно, думая о своём о чём-то, улыбался пылающей девице. Туча быстро свалилась. Опять всё ясно, хрустально сине.

Подбежал кто-то.

— Леонид Николаевич, вам...

Андреев немножко рассеянно оглядывался: куда девать мокрый зонтик? Нельзя же с зонтиком на эстраду.

— Леонид Николаевич, ради Бога, дайте я подержу ваш зонтик — ради Бога... восторженно лепетала девица.

Андреев сунул ей зонтик. И вот над головами — бледное, взволнованное лицо, букет кроваво-красных роз. И в тишине — редкие, отдельные слова:

— Падают, как капли, секунды. И с каждой секундой — голова в короне всё ближе к плахе. Через день, через три дня, через неделю — капнет последняя, — и, громыхая, покатится по ступеням корона и за ней — голова...

Дальше — не помню. Помню одно: тогда это казалось очень значительным и красивым, и заражало. После каждых двух-трёх фраз Андреев останавливался, переводчик, тоже редко и отдельно, невольно подражая в интонациях Андрееву, переводил его речь по-фински. <...>

Кончил. Долгая овация. Жадной, тесной кучкой осадили его внизу, у эстрады. <...>

Он торопился сейчас же уйти. Протянул руку за зонтиком. Девица отступила на шаг, прижала зонтик к сердцу и, умоляюще глядя на Андреева индюшечьим глазом, быстро-быстро заговорила:

— Леонид Николаевичу ради Бога... Оставьте мне зонтик... Ради Бога... Я буду его всегда — я буду его...

Андреев засмеялся, хитро поглядел на девицу:

— Ну ладно, Бог с вами. Только смотрите: берегите.

— Леонид Николаевич... Неужели вы думаете — неужели я...

Через два шага, за деревьями, Андреев махнул рукой, захлебнулся от смеха:

— Не в том дело... Главное-то... Ведь зонтик-то не мой, а нашей гувернантки...

Заговорит о чём-нибудь другом, потом опять вспомнит про зонтик — махнет рукой, захлебнется...

У выхода, прощаясь, он очень серьезно попросил:

— Только уж вы, пожалуйста, не говорите ей про зонтик. Зачем ей правду? Не надо...

Фёдор Шолов: «Как-то совершенно случайно я приобрёл две чрезвычайно редкие фотооткрытки. На одной из них был изображён А. М. Горький с М. Ф. Андреевой, на второй— Л. Н. Андреев со своей первой женой. По всему было видно, что фотооткрытки эти были изготовлены каким-то досужим коммерсантом из обычных снимков и пущены в продажу без согласия снявшихся. Даже подписи на них искажали фактическое положение вещей. Одна из открыток имела подпись „Горький с женой Андреева“, хотя М. Ф. Андреева всего лишь однофамилица писателя. Подпись на другой открытке также тенденциозна: „Андреев с женой Горького“. Снимки сделаны были одновременно, о чём говорит и окружающая обстановка и даже позы сфотографировавшихся. Как известно, А. М. Горький и Л. Н. Андреев в своё время были весьма дружны, и коммерсант рассчитывал, что у части публики подобного рода фотооткрытки вызовут особый интерес».

Анна Андреева: «Леонид Николаевич с Александрой Михайловной и Горький со своей второй женой М. Ф. Андреевой пошли вместе в какую-то фотографию и сфотографировались

Фотооткрытка «Л. Андреев с женой М. Горького»
Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова.
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11003946>

каждый со своей женой. Через некоторое время появились фотографии-открытки с надписями: „Горький с женой Андреева“ и „Андреев с женой Горького“. Елизавета Михайловна Доброва <родная сестра А.М. Велигорской — ред.> попыталась выяснить недоразумение, но получила ответ вроде: „Нам лучше знать, кто с чьей женой снимается“».

На самом деле, на вышеприведённом фото Леонид Андреев со своей первой женой А. М. Велигорской. Эта открытка сделана с фотографии Карла Буллы, 1905. Тем же фотографом сделан фотоснимок Горького и Марии Фёдоровны Андреевой в том же месте – доме художника И. Репина.

Максим Горький и Мария Андреева.
Автор К. Булла, 18 августа 1905 г.

Групповой портрет. Автор К. Булла, 1904.
Сидят: вторая и третья слева А. М. Велигорская и
М. Ф. Андреева. Стоят: первый и второй справа
А. М. Горький и Л. Н. Андреев

«Л. Н. Андреев живёт в собственной вилле «Белая Ночь», находящейся, приблизительно, в 12-ти верстах от финляндского курорта Териоки, в местности, называемой Чёрной Речкой.

Первое, что нам пришлось услышать от Леонида Николаевича, — это были жалобы на всевозможных интервьюеров, немилосердно фантазирующих и извращающих все, что касается писателя.

— Вот, например, — сказал он, — недавно мне пришлось по телеграфу исправлять искажения интервьюера одной большой петербургской газеты. Чего, чего только не пишут обо мне и о моей жизни, и врут уж буквально без всякого стеснения.

Так, один дошёл до того, что сообщает о каком-то негре громадного роста, встретившем его; пишут о моей многочисленной прислуге, а у меня только девчонка — Фроська! Пишут, что у меня идёшь неслышно по чему-то мягкому, и эта неслышная ходьба по чему-то мягкому навевает жуткость, а у меня просто финские половики настелены и... никакой жуткости я от этого не ощущаю...»

Эту же «растиражированность» жизни Андреева и репортёрском «произволе» относительно её реалий А. Т. Аверченко написал рассказ «Проклятие» (1910).

«Проклятие»

Однажды Леонид Андреев затосковал. Сначала его забавляли неизвестные молодые люди, приезжавшие к нему по два и по три раза в день, — а потом надоели.

Каждый из них, явившись к Андрееву, уводил писателя в угол и, судорожно вцепившись в пуговицу его бархатной тужурки, подавленным шепотом спрашивал:

— Что вы скажете о мессинском землетрясении? И он смотрел на Андреева такими испытующими глазами, что тому делалось ясно: неизвестный молодой человек подозревает его в организации и устройстве этого бедствия.

— А что? — тоже подавленным шёпотом спрашивал испуганный Андреев. — Я в то время был у себя на даче... и, клянусь вам...

— Нет, я хочу знать, как вы находите это землетрясение?

— Оно... ужасно... неприятно, — неуверенно отвечал Андреев.

— Да? Очень вам признателен. Я так и напишу: Леонид Андреев в дружеской беседе высказал свой ужас и возмущение перед загадочными силами природы, которые... Очень вам благодарен! Бегу.

И он убегал, уступая место другому молодому человеку, такому же симпатичному и юркому. Второй молодой человек тоже цеплялся за Андреева, как утопающий за соломинку, и, с истерическим любопытством, спрашивал!

— Какое ваше мнение о Толстом?

— О Толстом? Великий старик, сделавший...

— Благодарю вас. Очень рад был с вами побеседовать! Я так и напишу: Недавно Андреев в тесном семейном кругу высказал не лишённое оригинальности мнение о Толстом. Толстой, — сказал писатель, — хотя и велик, но его старость и сопутствующие этой поре жизни немощи лишают его возможности дать вещи, подобные незабвенным прежним: «Анне Карамазовой» и «Братьям Карениным». Мерси. Лечу.

Третий молодой человек, стоявший в затылок за вторым, ловким движением ноги отбрасывал второго, уже насытившегося, в сторону и спрашивал Андреева в упор:

— О Метерлинке! Что скажете?

— Метерл...

— Благодарю вас! Я так и сообщу нашим читателям! Я очень рад, что ваше мнение совпадает с моим. Лечу. Привет супруге.

Постепенно всё это приелось Андрееву.

— Ах, как бы я хотел развеселиться! — говорил он.

— Господи! — удивлялась жена. — Что же может быть легче! В передней есть ещё три молодых человека. Позвать? Может, они тебя развеселят...

Однажды Андрееву пришла в голову лукавая мысль: потихоньку, инкогнито, уехать в Москву и там повеселиться во всю.

Он остриг волосы, надел чёрные очки и, взявши чемоданчик, поехал в Москву.

Умылся в номере гостиницы, радостно ухмыльнулся и, довольный собой, зашагал на Тверскую.

Навстречу ему шли две московских барышни.

— Вот Андреев, — сказала одна.

— Леонид, — добавила вторая. Они остановились и повернули за писателем, смотря на него с изумлением и страхом.

— Идёт по улице... — прошептала одна с остолбенелым лицом.

Другая всплеснула руками:

— Смотри, смотри! В калошах... Андреев в калошах!

— Что вам угодно, барышни? — со вздохом спросил Андреев.

— Ай-ай-ай! — взвизгнули обе. — Разговаривает!

И, обезумевши от ужаса, бросились врассыпную.

На Тверскую Андреев не пошёл. Накупил газет и, печальный, побрёл в свой номер. В первой газете, которую он развернул, было написано:

— «Передают из достоверных источников, что Леонид Андреев находится в настоящее время в Антверпене. Писателю город очень понравился. Целыми днями его видят гуляющим по набережной и в гавани».

— А надо будет, в самом деле, когда-нибудь, — подумал Андреев, — проехать в Антверпен. Вероятно, любопытный город.

Отложил первую газету и взял другую.

— «На днях в дружеской беседе Леонид Андреев, — сообщалось во второй газете, — восхищался немецким поэтом Бирбаумом. Он считает его одним из лучших представителей немецкой поэзии».

— Бирбаум... — прошептал Андреев, — странная фамилия. Надо будет почитать что-нибудь Бирбаума...

Встал и, потянувшись, взглянул на часы.

— Ужасно однообразные газеты нынче... Восемь часов... Пойду-ка я куда-нибудь в театр повеселиться.

Вышел, сел на извозчика и сказал:

— Вези меня, братец, в какой-нибудь театр. Смерть, хочется повеселиться. Хе-хе...

— В Художественный? — спросил извозчик.

— Можно и в Художественный. Впрочем, нет брат. Там идёт моя «Анатэма». Вези куда-нибудь в другое место. К Коршу, что ли.

Приехав в Коршевский театр, Андреев купил билет и на цыпочках вошёл в зрительный зал.

На сцене стоял актёр в студенческом мундире, страстно взывая к актрисе:

— Оль-Оль! Я люблю тебя! Посмотри на эти Воробьёвы горы...

— «Дни нашей жизни», — разочарованно прошептал Андреев. — Экая незадача!

Неприятная горечь накоплялась в груди и комком подкатывала к горлу.

Он встал, вышел на улицу и сел на другого извозчика.

— Вези меня, голубчик, в какой-нибудь театр кроме Художественного и Солодовниковского.

— Пожалуйте!

Подойдя к кассе третьего театра, Андреев взял билет и спросил кассиршу:

— А что сегодня идет?

— «Анфиса», Леонида Андреева. Очень хорошая вещь.

Андреев скомкал билет и со стоном выбежал на улицу.

— Есть ещё один театр, — сказал он сам себе, — но у меня и пьеса ещё одна есть: «Жизнь человека». Я уверен, что наткнусь именно на неё. И ещё один есть театр. Но туда не стоит и показываться: там, я знаю, — «Чёрные маски».

Во взоре его светилось отчаянье.

Громадный равнодушный город катил перед ним тысячные людские волны, громадный город заключал в себе массу развлечений, но — все они были не для него.

— Для всех, кроме него! Ха-ха!

Чем дальше, тем всё больше и больше ему хотелось повеселиться... Взгляд его упал на гигантскую огненную вывеску:

— «Синематограф „Moderne“».

— Пойду я хоть в синематограф, — подумал несчастный, и уныло побрёл в иллюминированный подъезд.

Через минуту публика в ужасе шарахнулась от какого-то невысокого чёрного человека, который со страдальческим воем, расталкивая всех, бросился к выходу. В синематографе, демонстрировали сенсационную картину: «Леонид Андреев у себя на даче. Только самое короткое время! Леонид Андреев на моторной лодке. Редкое зрелище! Леонид Андреев и